

Анализ структуры судебной деятельности показывает, что если ее основанием являются сознательно формулируемые задачи, то основания самих задач лежат вне их, в сфере идеалов и ценностей людей. Отсюда следует, что сущность судебной деятельности нельзя понять, не выходя за пределы ее непосредственного процесса, не давая ей внешних очертаний. В связи с этим основными признаками судебной деятельности являются: осознание задач; планирование действий, направленных на решение задач (в частности, такие элементы, как целеполагание и свободный выбор судьей своих решений); организация действий по осуществлению задач; непосредственная реализация осознанных требований (сам процесс судебной деятельности); соотношение поставленных задач и реальных, достигнутых результатов деятельности.

При осуществлении судебной деятельности реализуются различные социальные нормы, порождающие соответствующие социальные отношения. В обществе социальные нормы выполняют особое предназначение, выступая как регуляторами социализации личности, так и элементами общественного сознания, отражающимися в индивидуальном сознании судьи и его деятельности. Реализация социальных норм в деятельности судьи в конечном счете предопределяется уровнем его культуры, что составляет личностную характеристику судьи. Его индивидуальное сознание – не просто слепок функционирующих в обществе норм, а их активная творческая адаптация к процессу юридической деятельности. Правовые нормы являются основным, фундаментальным регулятором деятельности суда и занимают особое место в системе других социальных регуляторов. Наряду с нормами права реализуются идеологические, политические, религиозные, этические, эстетические нормы, т. е. весь комплекс социальных норм, присущих данному обществу и усвоенных его индивидами. Социальные нормы и социальные отношения коррелируют между собой. В сфере же правосудия возникают комплексные судебные властеотношения, включающие в себя не только правоотношения, но и иные социальные отношения. Благодаря такому сочетанию суд может установить индивидуальное право субъекта. Одних правоотношений, а тем более одного какого-то вида из них недостаточно для реализации судебной власти. В итоге понятие судебной власти должно включать: наличие не менее двух субъектов отношений, одним из которых является суд; выражение воли суда по отношению к тому, над кем он осуществляет свою власть, сопровождаемое угрозой применения санкций в случае неповиновения выраженной воле; подчинение суду тех, с кем он вступает в отношения, выраженные в судебных решениях; наличие правовых норм, уста-

навливающих, что суд имеет право выносить решения, а те, кого они касаются, обязаны подчиняться. Эти четыре элемента необходимы для существования судебных властеотношений.

УДК 341.231.14 + 342.7

Ф.Ш. Бобоназарзода

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПАКТА О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ В КОНСТИТУЦИЮ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Республика Таджикистан 13 ноября 1998 г. ратифицировала Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) и как участник данного пакта обязана принимать все необходимые внутренние меры по выполнению взятых на себя обязательств в отношении прав и свобод человека. В этой связи требует особого внимания имплементация норм МПГПП, регулирующих личные права и свободы человека и гражданина во внутрисударственном законодательстве, прежде всего в Конституции Республики Таджикистан. Необходимо отметить, что, учитывая важность вопроса признания, соблюдения и защиты прав человека, в Конституции Республики Таджикистан данному вопросу посвящена специальная глава «Права, свободы, основные обязанности человека и гражданина», определяющая исходные начала, на основе которых они должны реализовываться в жизни.

Важнейшее из провозглашаемых личных прав – право на жизнь (ст. 6 МПГПП). Конституция Республики Таджикистан объявляет жизнь человека высшей ценностью (ст. 5), декларирует право на жизнь в качестве основного права и гарантирует его запрещением лишения жизни без приговора суда (ст. 18). Как объект юридической охраны жизнь закреплена в Основном Законе впервые.

Часть 1 ст. 6 МПГПП указывает, что «никто не может быть произвольно лишен жизни». Следует отметить, что в Таджикистане смертная казнь де-юре существует, однако в 2004 г. на исполнение смертной казни был объявлен мораторий, и с тех пор эта мера наказания не применяется. С момента объявления моратория законодательством предусмотрена альтернатива смертной казни в виде пожизненного заключения. В Уголовном кодексе Таджикистана наказание в виде смертной казни как исключительная мера наказания назначается за особо тяжкие пре-

ступления: убийство при отягчающих обстоятельствах, терроризм, изнасилование при отягчающих обстоятельствах, геноцид, бицид.

В соответствии со ст. 9 МПГПП «каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей». Следует отметить, что в Конституции Таджикистана нет подобной формулировки, однако ч. 3 ст. 18 и ч. 2 ст. 19 по своему смыслу закрепляют содержание данного права.

Каждый имеет право на свободу передвижения и выбор места жительства (ст. 12 МПГПП). Использование слов «каждый» подчеркивает признание рассматриваемого права за любым человеком – гражданином Республики Таджикистан, иностранцем или лицом без гражданства. Статья 24 Основного Закона Таджикистана такое право дает только своему гражданину, что представляется сомнительным, так как характерной особенностью данного права как личного (гражданское) и естественного является то, что обладание этим правом не зависит от принадлежности человека к гражданству государства.

Следуя нормам ст. 18 МПГПП, Конституция Таджикистана создает основу правового регулирования отношений, связанных с осуществлением свободы мысли, совести и религии. В ст. 1 Конституции устанавливается, что Республика Таджикистан является светским государством. Закрепление этого положения означает, что в Республике Таджикистан, во-первых, никакая религия не может быть установлена в качестве государственной и, во-вторых, деятельность религиозных организаций отделена от государственной (ст. 8).

Дальнейшее закрепление свобода религии получает в ст. 26 Конституции, которая гласит: «каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, отдельно или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов и обрядов».

Статья 19 Основного Закона Республики Таджикистан гарантирует каждому человеку судебную защиту его прав и свобод. Судебной защите подлежат любые права и свободы, в каком бы нормативном правовом акте они не были закреплены. Это следует из смысла ст. 2 МПГПП, согласно которой каждый участник пакта обязуется обеспечить, чтобы право на защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными судебными, административными или законодательными властями либо любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства, и развивать возможности судебной защиты. Для выполнения этой международно-правовой обязанности

Таджикистан располагает законодательной базой и системой правоохранительных органов, к которым относятся также и суды. Таким образом, право на судебную защиту имеет универсальный характер.

В ч. 1 ст. 22 Конституция Республики Таджикистан гарантирует неприкосновенность жилища, устанавливая, что проникновение в жилище, производство его осмотра и обыска допускаются лишь в случаях и в порядке, установленных законом. Кроме того, Основной Закон обеспечивает каждому тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных личных сообщений (ч. 1 ст. 23). В связи с этим каждый имеет право на тайну личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Гарантия данных прав имеет большое юридическое значение для характеристики отношений государства с человеком, недопустимости незаконного вторжения государства в частную жизнь и служит критерием личной свободы человека, что соответствуют нормам ст. 17 МПГПП.

Рассмотрим ст. 23 МПГПП: «1. Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства. 2. За мужчинами и женщинами, достигшими брачного возраста, признается право на вступление в брак и право основывать семью. 3. Ни один брак не может быть заключен без свободного и полного согласия вступающих в брак».

Проанализировав Конституцию Республики Таджикистан, можно заметить закрепление аналогичной нормы. Безусловно, некоторые ее нормы во многом обеспечивают защиту указанных прав. Так, в п. 1 ст. 33 говорится, что семья как основа общества находится под защитой государства, права человека, указанные в ст. 23 МПГПП, закреплены на конституционном уровне. Кроме того, полное закрепление этих норм отражено в ст. 1 Семейного кодекса Таджикистана.

Однако ряд положений МПГПП в Конституции Республики Таджикистан прямо не закреплены.

В соответствии со ст. 6 МПГПП «никто не должен содержаться в рабстве; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах. Никто не должен содержаться в подневольном состоянии». В Конституции Таджикистана нет аналогичной нормы, однако п. 3 ст. 18 и п. 2 ст. 19 по своему смыслу противоречат всем проявлениям рабства и обеспечивают соблюдение данной нормы.

Согласно ст. 16 МПГПП «каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности». И хотя в Основном Законе Таджикистана нет статьи с аналогичным содержанием, общий смысл ст. 5, п. 2 ст. 16 и ст. 17 позволяет говорить о том, что суть данной

нормы в нем отражена. Несмотря на внешнюю декларативность последней формулировки нормы МПГПП, прямое ее отсутствие в Конституции Республики Таджикистан может привести к непредвиденным ситуациям.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что на формирование положений о личных правах человека в Конституции Республики Таджикистан существенное влияние оказали нормы МПГПП. Кроме того, как прослеживается из последних правовых реформ, работа в данной сфере продолжается. Свидетельством является конституционная реформа по внесению изменений и дополнений в Конституцию Республики Таджикистан, проведенная 22 мая 2016 г.

УДК 342.9:341.231.14

И.В. Бойко

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Справедливость является базовой ценностью современного общества. Она нашла проявление и в правах человека. Одним из фундаментальных для человека есть право на справедливый суд.

Концепция права на справедливый суд развивалась на протяжении длительного периода. Окончательно и наиболее полно оно нашло свое закрепление в Международном пакте о гражданских и политических правах, принятом 16 декабря 1966 г., и Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Конвенция). Ценность этих международно-правовых актов заключается не только в том, что в них декларировано право на справедливый суд, но и в том, что они обязывают государства-участников «принять необходимые меры относительно своих конституционных процедур... которые могут явиться необходимыми для осуществления прав, признанных в этих документах» (ч. 2 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Одним из наиболее эффективных органов, уполномоченных осуществлять контроль за соблюдением основных прав и свобод человека, следует считать Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Правовой основой функционирования и деятельности ЕСПЧ является Конвенция.

Сущность права на справедливый суд сводится к сочетанию двух категорий – справедливости и правосудия. Рассматривая дела об административных правонарушениях, суд также осуществляет правосудие,

поэтому целесообразно поставить вопрос о применимости ст. 6 Конвенции (право на справедливый суд) в производстве по делам об административных правонарушениях. Сфера применимости этого права определена в п. 1 данной статьи: «каждый имеет право на справедливое и публичное рассмотрение его дела на протяжении разумного срока независимым и беспристрастным судом, установленным законом, который разрешит спор о его правах и обязанностях гражданского характера или установит обоснованность любого выдвинутого против него уголовного обвинения». Анализ этого положения дает возможность выяснить круг объектов, судебная защита которых должна осуществляться с соблюдением требований справедливого судебного рассмотрения. Такими объектами выступают права и обязанности гражданского характера, а также права человека при предъявлении уголовного обвинения.

Толкование терминов, используемых в Конвенции, ЕСПЧ осуществляет самостоятельно, или автономно. Это означает, что он не считает обязательным для себя то значение, которое определенный термин имеет в рамках правовой системы государства – члена Совета Европы, являющегося стороной Конвенции. Такая автономность толкования касается и понимания ЕСПЧ термина «уголовное обвинение».

Классификация дела как уголовного важна, поскольку ст. 6 Конвенции распространяет свое действие только на порядок судебного рассмотрения дел о гражданских правах и обязанностях и дел уголовного обвинения. Наличие в правовом конфликте уголовного обвинения имеет следствием применение в производстве по этому делу гарантий, предусмотренных данной статьей.

В решении по делу Энгеля и других против Нидерландов ЕСПЧ определил критерии, которые позволяют выяснить, какие конфликты характеризуются как связанные с уголовным обвинением. Первый – это критерий национального права. Он означает, что суд должен прежде всего определить, принадлежат ли статьи, по которым обвиняется лицо, во внутреннем праве государства-ответчика к уголовному праву. Если внутреннее законодательство страны-участницы классифицирует правонарушение как уголовное, в таком случае данный критерий будет иметь решающее значение. Однако рассматриваемый критерий носит формальный характер и не является определяющим для ЕСПЧ. Если национальное законодательство страны-участницы прямо не относит деяние к преступлению, это не означает, что суд ограничен таким пониманием и не может применить гарантии права на справедливый суд к рассмотрению дел касательно этого нарушения. В таком случае ЕСПЧ изучает фактическое содержание дела. В решении по делу Девеер против Бельгии